С.С. КУЛОМЗИНА

Миры за мирами

РОССИЯ И ЦЕРКОВЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ.

Воспоминания эмигрантки

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

МОСКВА * 2018

УДК 25
ББК 86.372
К 90

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-719-0690

Куломзина, С.С.

К 90 МИРЫ ЗА МИРАМИ : Россия и Церковь в моей жизни. Воспоминания эмигрантки / Софья Сергеевна Куломзина. — М. : Православ. Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2018. — 488 с.

ISBN-978-5-7429-0505-9

Воспоминания Софьи Сергеевны Куломзиной могут соперничать с остросюжетным романом — столько в ее жизни было событий, трагических и радостных, столько неожиданных встреч, борьбы с неизбежностью, огорчений и удач, разочарований и надежды. Прежде чем осесть в Америке и стать именитым преподавателем Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, она сумела выбраться из водоворота Большой истории, в котором оказалась подростком, пережив в России ужас послеоктябрьских дней, горечь скитаний по всей Европе, тяготы Второй мировой войны. Она разделила с русской эмиграцией ее незавидную судьбу. Сильный, волевой характер, воспитанный русской дворянской средой, и вера в промысл Божий, ведущий ее по жизни, позволили ей стать тем, кем она стала: авторитетным церковным миссионером, ученым-педагогом, одним из руководителей фонда RBR, в глухие годы издававшего для России книги по истории христианства, патристике, богословию.

Софья Сергеевна прожила долгую и полную жизнь, и ощущение этой радостной полноты — наверное, самое завораживающее в искренних строках ее дневниковых заметок. Они рассказывают о сложившемся вопреки обстоятельствам величавом русском мире, ностальгически близком нам и все еще духовно малопостижимом.

ISBN-978-5-7429-0505-9 УДК 25
ББК 86.372

© Куломзина С.С., наследники, 2018
© Кишковская С.Л., послесловие, 2018
© ПСТГУ, редакция, оформление, 2018

ЦАРСТВО СЧАСТЬЯ

«Неужели всему этому конец? Так все исчезнет и больше ничего не будет?» — я невольно вздрогнула. Был летний ясный вечер 1917 года, и мне шел четырнадцатый год. Я бежала по большой лужайке, расстилавшейся перед домом в нашем имении Волчий Хутор, и вдруг остановилась. Солнце заходило, жара спала, мои босые ноги ощущали прохладу свежей травы. Со всех сторон теснились кусты и деревья, воздух был пропитан ароматом бесчисленных роз. Наверное, именно в эту минуту я вдруг почувствовала, что привычная мне жизнь кончилась, знакомый и любимый мною мир рухнул. Думать об этом было слишком страшно, и, тряхнув головой, я побежала дальше, в огород, сказать матери, что ужин готов и ее ждут к столу.

Волчий Хутор находился в степи, на юге Воронежской губернии. Он много значил для нашей семьи, а для нас, детей, являлся воплощением понятия земного рая. В действительности усадьба была скромной и не могла сравниться со знаменитыми дворянскими имениями, а дом не считался старинным. Рядом не было ни лесов, ни рек, ни озер, ни гор. Со всех сторон имение окружала бесконечная волнистая степь, переливавшаяся то золотом спелой пшеницы, то яркой зеленью озимых посевов, то черным бархатом свежевспаханных полей.

Волчий Хутор не был старым наследственным имением. Мой дедушка, помещик старинных устоев, имел большой участок земли, который обычно сдавал в аренду. Человек, бравший долгое время эту землю в аренду, отказался от нее, и дедушка решил отдать участок своему второму, еще не женатому сыну — моему будущему отцу, чтобы он построил там усадьбу.

Отец мой Сергей Илиодорович Шидловский в двадцать два года окончил Императорский Александровский лицей, прослужил несколько обязательных для людей, получавших высшее образование, месяцев в армии и отправился в длительное путешествие за границу. В мае 1880 года он приехал один верхом в свое новое владение и принял от арендатора поля, которые надо было приготовить под озимые посевы. Среди полей торчала одинокая хата с земляным

Сергей Илиодорович Шидловский

была гибель многих знакомых нам молодых людей, но воспринималась она как проявление героизма. Однако по мере того как затягивалась война, мы начали осознавать, что все неблагополучно, что все идет как-то не так. Казалось, поднимается какой-то туман, и в нем не видно, куда идем. Разговоры взрослых о политике, о действиях правительства смущали нас.

Как ни странно, но в этой атмосфере неблагополучия я впервые обнаружила трещину в нашем семейном счастье. В 1916 году мой брат женился на красавице-княжне Аглаиде Голицыной, которая мне казалась какой-то волшебной феей. К несчастью, брак их оказался непрочным: жена ушла от Андрея, когда он был на фронте.

В январе 1917 года моим родителям предстояло отпраздновать серебряную свадьбу, и я ожидала, что это будет радостный, счастливый праздник. Но он был несколько омрачен бедой в семье моего брата и готовящимся разводом. А через несколько недель произошла Февральская революция.

1917–1920
ПЕРЕЛОМ

В феврале 1917 года мне было тринадцать лет. Я чувствовала, что взрослые испытывают беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне, и вместе с тем еще по-детски была погружена в свою обычную, такую привычную жизнь. Слухи о нехватке продовольствия, о нарастающем недовольстве, о беспорядках не очень занимали меня. 27 февраля отца по телефону срочно вызвали в Думу. Вернулся он домой только через десять дней. За эти дни окончательно рухнул старый государственный строй, к власти пришел сначала так называемый Временный комитет Государственной думы, а потом Временное правительство. С самого начала отец не верил в возможность установить прочную власть силами Думы. Толпа заполнила почти весь Таврический

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Воспоминания Софьи Сергеевны Куломзиной «Миры за мирами» впервые были опубликованы в США на английском языке издательством Свято-Владимирской духовной семинарии в 1980 году, в разгар холодной войны. Книга пронизана ощущениями ее жизни в России до 1917 года и ролью России в ее жизни после 17-го, что особенно важно для нас сегодня, в дни столетия большевистской революции, когда мы продолжаем вдумываться в смысл этого события, навсегда перевернувшего и ее жизнь, и жизнь страны.

Ее родители принадлежали к правящей элите, ее отец Сергей Илиодорович Шидловский был членом Временного комитета Государственной думы, который некоторое время после Февральской революции пытался править Россией. Его портрет присутствует во многих публикациях и на многих

выставках, появившихся в 2017 году. Каждый раз, когда я вижу его лицо, я вспоминаю Софью Сергеевну и ее пронзительно честные описания борьбы против материальных, духовных и эмоциональных трудностей, с которыми столкнулась семья после того, как все лишились прежней жизни и положения в обществе и стали беженцами — сначала на своей родине, а затем за границей.

До революции Шидловские вели активную светскую жизнь, однако преобладающей в семье была атмосфера уважения к культуре и почитания духовно-религиозных традиций, что в годы лишений их сильно поддерживало. Няня детей Ганя не покинула семью в годы революционной суматохи и заняла прочное место в сердце и взглядах Софьи Сергеевны на всю оставшуюся жизнь. В ее описании этой идиллии — и ее последующего крушения — есть что-то от Набокова, впрочем, множество других литературных и кинематографических аллюзий приходят на ум при чтении ее мемуаров.

Я часто пыталась вообразить, как люди выживали в этих обстоятельствах, как они решали, что пришло время уезжать, что они брали с собой, когда приходилось бежать, как они прощались с родными и близкими. Ее «Миры за мирами» отвечают на многие из таких вопросов.

Но книга — также повесть об Америке, которую Софья Сергеевна узнала сначала как студентка в 1920-х годах, во время учебы в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Она попала туда благодаря стипендии Ассоциации христианской молодежи (YMCA) — протестантской организации,

которая сыграла важную роль в поддержке русского православного эмигрантского сообщества во Франции. Стипендия финансировалась Фондом Джона Д. Рокфеллера, и Софья Сергеевна стала первой православной женщиной, окончившей Колумбийский университет по специальности «Религиозное образование». После Второй мировой войны она с мужем Никитой Яковлевичем Куломзиным и четырьмя детьми — Елизаветой, Ольгой, Ксенией и Георгием — перебралась в Нью-Йорк, как оказалось — навсегда. Проблем с языком у Софьи Сергеевны не было: она знала английский с детства и в Москве, уже после революции, дружила с сотрудниками американской гуманитарной миссии YMCA и с молодым атташе из посольства США. В книге она дает нам столь же ценное представление об Америке: от религиозной обстановки и до практических аспектов повседневной жизни, вплоть до подробностей быта коренных жителей Аляски. Учитывая сегодняшнее состояние отношений между нашими странами, это редкая и полезная мозаика.

Конечно, в наибольшей степени ее воспоминания — это рассказ о православии, о духовном стремлении к полноте веры и к обретению своего призвания. Софья Сергеевна стала ведущим православным педагогом XX века. На ее выбор оказали глубокое влияние такие незаслуженно забытые личности, как замечательный приходской священник отец Василий, с которым она встретилась в послереволюционной Москве, а также другие, уже ставшие легендарными, деятели русского зарубежья.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРСТВО СЧАСТЬЯ
5

1917–1920. ПЕРЕЛОМ
55

1920–1922. ЭСТОНИЯ
101

1922–1924. БЕРЛИН
134

1924–1926. ПАРИЖ
155

1926–1927. ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ
171

1927–1939. ФРАНЦИЯ
209

1939–1943. ВОЙНА
262

1943–1945. ЖИЗНЬ В ДЕРЕВНЕ СЕГИНЬЕР
330

1945–1948. ОПЯТЬ В ПАРИЖЕ
366

1949–1970. ЖИЗНЬ В АМЕРИКЕ
383

1970. ОПЯТЬ В РОССИИ
430

ЭПИЛОГ
458

P. S. ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА
466

София Кишковская. ПОСЛЕСЛОВИЕ
471